

М.М.КИРИЛЛОВ

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ (история болезни)

КНИГА ПЕРВАЯ

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ – 1992 год

Саратов-2014

Перерождение

Михаил Кириллов

**Перерождение (история
болезни). Книга первая.
Восьмидесятые годы – 1992 год**

«Нордмедиздат»

2014

Кириллов М. М.

Перерождение (история болезни). Книга первая. Восьмидесятые годы – 1992 год / М. М. Кириллов — «Нордмедиздат», 2014 — (Перерождение)

В книгах последовательно анализируются причины и последствия перерождения и вырождения советского общества, советской интеллигенции, общественно-политических партий и их лидеров в рыночных условиях жизни страны после буржуазной контрреволюции 1991–1993 гг.

Рассматриваются возможности, просчеты и задачи коммунистического и рабочего движения. Книги написаны в жанре художественно-политической публицистики. Ее автор последовательно выступает как коммунист-интернационалист. Приведенные материалы сохраняют подлинность текста своего времени. Книги рассчитаны на широкий круг читателей, на аналитиков и историков общественно-политических движений в стране, прежде всего, рабочего движения, на трудящихся, обладающих опытом борьбы за свое освобождение и приобретающих такой опыт. Автор – Кириллов Михаил Михайлович – профессор, Заслуженный врач России, писатель

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	7
1985 г	8
1986 г	11
1987 г	13
1988 г	17
1989 г	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

М. М. Кириллов
Перерождение (История болезни)
Книга первая. Восьмидесятые
годы – 1992 год

*Посвящается памяти отца – Кириллова Михаила Ивановича,
рабочего, военного инженера, коммуниста*

© Кириллов Михаил Михайлович, 2014 г.

Предисловие

Прежде я был счастливым человеком. Любил свою врачебную профессию и свою семью. И хотя пережил мальчишкой войну, а позже – непростую жизнь военного человека, я был счастлив, как мог быть счастлив обыкновенный человек, у которого было главное – РОДИНА.

Я годы не считал. Жил, как пел, и дарил эту свою радость любимым, родным, учителям, друзьям и больным, которых лечил. Быть коммунистом было для меня призванием. Таких, как я, было много, хотя, может быть, кто-то, как я теперь понимаю, таким только казался.

Я объездил почти всю страну, видел ее трудности и противоречия, о многом задумывался, и, конечно, многое, не устраивало меня, но в целом биение сердца Родины совпадало с ритмом моего собственного сердца, требуя только преданности.

Аритмия в жизни страны началась, наверное, уже давно, но я в своей счастливой занятости почувствовал ее системность лишь с начала 80-х годов. В обществе и партии появилась какая-то духота, приостановилось движение, словно в родниковой воде появилась примесь отравы. С этого времени и началась эта моя хроника, хроника прозрения. Оно происходило постепенно и трудно.

Из разрозненных наблюдений, рождавших нарастающую тревогу, складывалась доказательная диагностика перерождения, злокачественного процесса, поразившего страну. Я – врач. И хроника эта – в сущности – дневник истории болезни. Только пациент особый – Родина.

Быть коммунистом, когда народ в массе своей живет хорошо, – несложно, оставаться коммунистом, когда народ бедствует и корчится в рыночных муках, гораздо труднее. Многие за эти годы оставили свое советское прошлое без сожаления, погрязнув в заботе о своем кармане, многие отошли, ослабли, потеряли ориентиры. Нас, коммунистов, немного осталось. Тем каждый нужнее.

Кому этот дневник? Тем, кому больно видеть происходящее, тем, кому нужно помочь разобраться, тем, кто может быть полезным в борьбе за власть трудящихся.

Приведенные ниже строки из писем, дневниковых записей и других документов сохраняют подлинность текста своего времени.

Часть 1
Начало болезни
Восемидесятые годы – 18 августа 1991 г

Редкие заметки этого периода времени сохранили нестройный ряд наблюдений, которые, тем не менее, обнажали несомненные симптомы болезни общества и власти.

1985 г

Статуправление привело данные о самом высоком уровне рождаемости в СССР за послевоенные годы: 5 мл», человек. У младшего брата Володи в Рязани 7 детей – от 2 до 18 лет. Семеро по лавкам... Зато 5-комнатная квартира с четырьмя лоджиями, двумя туалетами. После многих обращений распорядился выделить ее Л. И. Брежнев. Ребята замечательные, да денег бы побольше. Мать – дворник и лифтер, а сам он – психолог детдома. Правда, дотации на детей платят регулярно, да каждое лето всем им дают бесплатные путевки в пионерские лагеря. Старшие ежегодно умудряются ездить то в Крым, то в Ленинград, то в Москву. Они у него все музеи обошли.

* * *

Поездка Горбачева в Англию. Здоровенький такой, кареглазый, говорит без бумажки. Так и пружинит, так и пружинит. Еще Брежнев сказал о нем: «Торопится...». Но как-то неприятно и неприятно видеть Генерального секретаря ЦК КПСС буквально в объятиях Тетчер. Светское заслонило советское.

* * *

40-летие победы над фашистской Германией. Ветеранов еще много. Воспоминания, воспоминания. И по радио, и по телевидению, и в разговорах... На скамейке в парке: «Зимой в Сталинграде над Волгой на таран пошел. Сбил фрица. И себе все зубы выбил. Чуйков, наблюдавший за воздушным боем, поинтересовался: «Руки, ноги целы?» Узнав, что целы, но голова ранена, к Герою представил и в артиллерию определил. Так всю войну потом с пушками и прошел».

* * *

Постановление ЦК о борьбе с пьянством и алкоголизмом приобретает на практике абсурдный характер. Срочно, без экономических обоснований закрываются заводы, вырубаются виноградники. Слезы будут вместо армянского коньяка, когда-то любимого Черчиллем. Плантации «Массандры» – под бульдозер, «Советское шампанское», «Черный доктор», «Мускат красного камня», «Кокур», «Херес» – все это скоро будет в прошлом. Труд сотен тысяч виноградарей, их соленый пот, их творчество оказались не дороги ЦК, в составе которого уже десятки лет нет ни одного рабочего и крестьянина. Говорят, главный виноградарь «Массандры» покончил с собой, видя, как умирает его лоза. Идея борьбы с пьянством превратилась в идею борьбы с виноградарями...

На парткоме при обсуждении этого вопроса я с огорчением произнес: «Жаль, что шампанского теперь не будет...». Замполит с красным носом, выпивший за свою замполитскую жизнь много водки, угрожающе произнес: «Вы что, против решения партии?!» Я возразил: «Хорошо ведь в компании. Не за огонь люблю костер, за тесный круг друзей». Он меня не понял.

* * *

Апрель. Лечу на Кавказ. Подо мной – снежная пелена, а сам я – как фантастически легкий лыжник. Посадка в желто-голубой Астрахани – снега нет. Волга без льда, желтый песок струится по бетонке, голубые ветры.

Дальше с высоты 5000 м белые сугробы Кавказских гор – царство Рериха. Летим над Каспием. Корабли миллиметровой величины. Весь Дагестан па виду.

В Баку – резкие контрасты: говор, гримасы, прически, походка. Толстые, как тумбы, милиционеры-регулирующие. Худые, со стоптанными ботинками рабочие в кварталах Черного Баку. Расслоение народа на очень богатых и очень бедных. Богатством, которое не заработано, кичатся. Это режет глаз. Все полно потребительских претензий. Кудрявые короли посреди грязи. Однако видно, что кое-кто работает: качалки мерно качают нефть... Над городом дымка. Запах бензина и газа всюду, даже у моря. Набережная просторна и пустынна в эту пору. Ветер. Фонтаны. Зелень газонов. Чайки над парапетом. Удивительное дело – чайки смеются-таки. Прогулочные катера шевелятся у берега. Капитаны и кассиры на местах, а пассажиров мало.

Поискал Музей С. М. Кирова – десяток встречных спросил, заодно объясняя, кто такой Киров, никто не знает. С трудом нашел скромную квартиру революционера.

Древний Баку. Караван-сарай, Девичья башня, бани, дворец Ширван-шахов. А дальше улочки, улочки, дворики, все вверх – в гору. Аул в европейском городе. Антисанитария. Ребятишек – тьма, чем беднее дом, тем больше ребятишек. Мазанки, вода в колонках. Дети босонogie, грязные, посреди помоек. Что-то вроде дворов в Лефортове в 1943–1946 годах, где обитали мы – мальчишки: та же рвань и... никакого уныния.

Памятник Нариманову (18 м!) простерся над городом и бухтой. Издали – вроде римской скульптуры.

Грубость и нежность, хлам и вечность, хаос и собранность, жадность и щедрость гостеприимства.

Почему их величества ездят с эскортом, ведь так важно побродить одному, чтобы остаться с людьми... Это такое счастье – возможность общения, даже если бродишь 4 часа один. Один ли? Это еще как посмотреть.

* * *

Июль. Подмосковье. Сочная зелень. Темнота лесов. Синь реки. «Архангельское» – санаторий МО СССР. Дворец-усадьба. Английский парк. Балюстрада. Скульптура. Вид богатейший: по одну сторону – пол-России, по другую – пол-России. Темные волны леса на горизонте. Церковь Михаила Архангела. Приземистая как изба. В оконцах кованым железом забрана. Одна из ранних церквей России. За ней крутой обрыв, под обрывом – река Москва. Деревья по бокам глубокого оврага растут кронами друг к другу – лесной шатер, в котором прохладно даже в жару.

Тишина повсюду: в номере, в корпусе, в парке. Это лечит. Отдыхают в основном старики-отставники, а можно половину Советской Армии вылечить. Старые люди в лепном убранстве.

Иные, приезжающие сюда ежегодно, отстаивают эту цитадель как свою крепость – крепость старости. Очень многим за 70 и 80 лет, столько же и их женам. Это командиры довоенного и военного времени, там их боевая молодость. А может быть, по-своему мудро? «Зачем же ты, братец, – словно говорят они, – встречаясь на дорожках парка, к нам прибил так рано? Тебе на юг, к морю, к женщинам. А здесь – прелесть осенних листьев...». Бывшие так и знако-

мятся: «бывший полковник», «бывший начальник штаба армии...», «бывший неважно кто». И в рассказах – их судьбы, доведенные до логического конца. И персонажи в их рассказах, кто еще почему-то жив, и сами они на фоне этого тихого молота кажутся идущими по последней дорожке, даже если она и называется Липовой аллеей и за нее заплачено. Но многие скучают по утраченной власти, живут высокими связями.

Глубокий старик в кресле. 93 года. Еле ходит. Всегда один, родных нет. Генерал-лейтенант в отставке. В годы войны и позже, всего лет 30, зам. начальника Управления военных сообщений, в том числе во времена Иосифа Виссарионовича Сталина.

Генерал Шепилов, тот самый «и примкнувший к ним Шепилов», снятый с поста министра иностранных дел в конце 50-х годов и прошедший по делу Молотова, Кагановича и т. д. Бродит по дорожкам старый одинокий мудрый грустный ворон, которому вернули все права и звания тогда, когда любая активность способна вызвать только одышку.

Липовое царство, последняя послевоенная посадка, прель бывшего могущества. Заилилась армейская река. Видеть это и бодренько бегать в бассейн почти несовместимо. Поэтому я то бегу, то останавливаюсь.

* * *

Август. Окончил Саратовский военно-медицинский факультет и приступил к службе в Белорусском военном округе сын Сергей. Врач разведбата корпуса. Побывали у него: общежитие, целый день на ногах. Стрельбы, марш-броски, парашютные прыжки... Повидаться некогда. Самое главное – солдаты, офицеры, их семьи. Быт и здоровье людей. Основа удовлетворения от работы – постоянное ощущение своей необходимости людям. Дай ему Бог способность принимать к сердцу и облегчать всякую чужую боль.

1 сентября. Внучка Сашенька пошла в 1 класс. Тревог-то накануне было сколько! К школе она шла самостоятельно – с портфелем и цветами. А мы – бабушка, дедушка, мама и папа составляли эскорт...

1986 г

Апрель. Еду в Самарканд. Поезд прогрохотал по мосту через Волгу, оставив за собой холодную, еще заснеженную Россию, и затерялся в бескрайней унылой каменистой казахской степи. Редкие одинаковые станции, убогие мазанки... Когда уезжаешь из дома, птицы обычно долго летят вслед как живой привет от тех, кто остался, а в этих местах – ни деревца, ни птицы.

Но с утра километры побежали весело и незаметно. За вагонным окном степь солнцем залита. Вдалеке всадник на коне проскакал. На обочинах, у колес, по молодой траве красными лентами тюльпаны, тюльпаны...

В Самарканде поселился в центральной гостинице... без удобств. Но уже через час стоял на площади перед высокими стенами Регистана.

Голубое небо. Утреннее солнце. Бирюзовая акварель колонн. Спокойное величие пространства. Высокое раздумье. Удовлетворенность совершенством. Чтобы почувствовать его, нужно долго и тихо стоять перед храмом, и только тогда он начнет рассказывать о себе. Я бродил у его подножия, и мне казалось, что я уже когда-то знал все это, может быть, даже тогда, когда меня не было. Я точно слышал шепот вечности.

Заставив себя уйти, я шел смотреть руины и мечети, усыпальницы и городища, но все это молчало и было мертво. И я возвращался к Регистану и вновь подолгу стоял перед ним, и мне думалось, что я отношусь к этому чуду как к человеку, который все знает про меня.

Прошное, полное жестокой борьбы и крови, сохранило не засохшую кровь, а творение ума и рук зодчих и рабочих интернационального, общечеловеческого значения. И все это моя Родина.

* * *

Апрель – май. Гул Чернобыля. Дозирование информации. Планетарное событие в облаке секретности. Жертвы среди пожарников. Состоявшиеся инженерные и предстоящие политические просчеты. В клинике профпатологии у нас первые облученные из числа работавших в Чернобыле балаковцев.

* * *

Июнь. Политзанятия на факультете. Представитель политотдела проверяет наличие у офицеров-преподавателей конспектов первоисточников марксизма-ленинизма и – обязательно – очередного постановления ЦК. Причем проверяется не столько содержание, сколько аккуратность записей и соответствие формы и толщины тетрадей конспектов регламенту политорганов. Это оттого, что на большее, то есть на действительно заинтересованное знание живого творчества Ленина, у инструкторов политотдела силенок не хватает. Это «партрабочие» – представители партийной «церкви», блюстители формы при вымершем содержании. Постоянно поддерживается чувство вины, причем не за то, что Ленина не прочел, а за то, что не так усердно поклоны в «церкви» бьешь – тетрадь не завел... 40 – 50-летние офицеры-коммунисты как школьники переписывают друг у друга конспекты или одалживают их...

Партийными органами активно пропагандируются статьи зам. нач. ГлавПура генерала Волкогонова. На фоне скучнейших материалов «Партийной мысли», «Коммуниста Вооруженных Сил» и других журналов работы его действительно производят впечатление ныне редкого новаторства и убежденности. Статьи с хорошим историческим и философским анализом работ Ленина и современных авторов.

* * *

В дороге разговоры, только слушай. «Заказали стол, невеста платье пошила – в армию призвали. Отслужил. Только демобилизовался, наладили было свадьбу вновь – ночью разбудили и на сборный пункт – Финская кампания началась. В начале 1941-го служил под Казанью, на Волге. Как– то дал телеграмму: «Приезжай, регистрируемся». Ответ: «Выезжаю». Встретил, взял билеты на пароход к себе, в часть. В то же утро началась война. Там же, на пристани и расстались: я – в часть, она – к маме. Поженились только в 1945-м».

«Что ты домом своим так дорожишь? Наследство? Это раньше отец с сыном с топорами друг на друга бросались из-за дома. А ты к тому прислонись, кто тебя покоить будет».

В этих разговорах жизнь, ее так не хватает в официальном общении.

Осень. Вечер. Солнце в рукав Волги утекло и за поворотом скрылось.

1987 г

В течение 3 месяцев подряд – три защиты диссертаций, вышедших из нашей кафедры. Это хорошая заявка для утверждения пульмонологии в Саратове и признак продуктивности коллектива. Нужно найти свое направление в общем деле.

* * *

Первомайская демонстрация. Мы живем на большом проспекте, и демонстрация всегда идет мимо нашего дома. У кого другие дела в городе, стараются поскорее уехать, пока не перекрыли транспорт.

К 9 часам народ, в основном заводской, собирается на Вишневой, у завода «Знамя труда». Подходят, здороваются, толкаются, звучит смех. Много молодежи, девчат. Кое-кто с утра пораньше успел согреться. Приходит народ с детьми.

Организаторы торопят вставать в колонну. Оркестр пробует силы. В рядах в руках у людей знамена, транспаранты. Вот уже проспект полон. Растет напряжение. 9.10 – пошли... Небо над головой нежно-голубое, дома празднично украшены. На тротуарах – народу, не пройти. Дети перебегают из ряда в ряд, балуются. Старшие сердятся. Идем к Сенному рынку и дальше – в город. Поток людей мощный, разноголосый. Поют. В одном месте одну песню, в другом – другую, соревнуясь и перебивая друг друга... «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся Советская страна...», «Катюша», «Труба зовет». **Хозяева** идут!

На этот раз со мной Сашенька-внучка. Увязалась: возьми да возьми. Хорошо ей: ножки – легкие, люди вокруг – хорошие, как большие дети, музыка, шары, мороженое. Весело – игра такая: «Первомай».

* * *

Август. Поезд «Евпатория – Москва». Отличное настроение после отдыха в Крыму. В Запорожье села женщина лет 40. Едет в Москву с торговыми целями от частной фирмы. Непривычная для слуха откровенная ненависть к Советской власти. Пропаганда предпринимательства. Возникшие споры вызывают взаимное раздражение. Настроения как не бывало. Дело не в спорах, все это гораздо серьезнее и, видимо, совсем не частный случай. Опрокидывание советской идеологии снизу. (Сейчас бы мы сказали: «Это – цветочки». – *Авт.*)

Вспомнилось возвращение из Цхалтубо в Москву в 1981 г. В Краснодаре к нам в купе подсел уже немолодой крепыш из Управления строительством курортов на Кавказском побережье. Откровенно поделился, что едет к министру подписать нужные бумаги и вырвать финансирование. Везет тяжеленный чемодан водки специального розлива: «На трезвую голову не подпишет, а вот в сауне «под мухой» подсунуть бумагу можно, проверено». Ткнув ногой чемодан, добавил: «Этот бугай выжрет много, да и впрок нужно оставить». Поразила проза отношений жуликов с министром, проторенность подходов к нему, атмосфера уже привычной продажности и откровенного бахвальства. Впрочем, писал же Грибоедов: «Кому в Москве не зажимали рты обеды, ужины и танцы...».

Я и жена смотрели на бизнесмена как на диво, а он на нас как на ничего не ведающих взрослых детей. Но иногда он замолкал, хваткость его исчезала, и он поглядывал на нас украдкой неожиданно серьезно и грустно, словно завидуя нашей счастливой честности, когда-то им утраченной.

Нужно сказать (теперь это стало очевидным), что жизненные наблюдения давали пищу для горьких раздумий гораздо больше и гораздо раньше, чем эти раздумья наконец появились.

* * *

Сентябрь. Поездка в Андижан. Места малознакомые. Стараюсь воспринимать увиденное и услышанное непредвзято.

Главное на Востоке – рынки, торговля. Магазины ломаются от товаров, а покупателей нет. Республика хлопка – особенно много тканей. Рынок – горы орехов, яблок, груш, гранатов, но и здесь покупателей нет. Продавцы и фрукты. Все дорого. Только к столу, для гостя, для больного. Цены высоки и неподвижны, потому что продают перекупщики, лишенные права широкой инициативы. Настоящей торговли нет, нет восточного базара, нет острой реакции.

Живу в гостинице, много хожу по городу. В 4.00 встал. С высоты хорошо виден аул. Прохладно. Над черными дворами и стволами деревьев, в застывшей тишине в голубом сиянии плывет луна. С восходом солнца зазвонил будильник, и в ту же минуту закукарекал соседний петух.

В чайханах одни и те же люди, определенный круг людей и потребностей. Сейчас – меньше, чем в прежние времена. Мужчина, какой бы низкий пост он ни занимал, дома у себя единовластен и высокопоставлен. Жена – домашний раб. Дети – исполнители воли и средство радости. Жена – только дома, а мужчина домой лишь заходит, а большую часть времени находится на работе, с друзьями, на улице, в чайхане. И так с утра до поздней ночи. Не жизнь, а какое-то мужское пиршество.

Опускается вечерняя дымка. Тускнеет голубое небо. Возле гостиниц, кинотеатров, рынков загораются светильники. Оживают после дневной жары чайханы, лавчонки, бары. Шипят шашлыки, жарится рыба, высятся горы лепешек и чуреков, льется пиво, дымится в пиалах и чайниках зеленый чай. Собираются мужчины, одетые преимущественно в черную мятую одежду, в тюбетейках, небритые. Рассаживаются за столиками на помостах и подолгу сидят там. Играет тихая восточная музыка. Тихая беседа временами начинает прерываться громкими спорами. Время идет, дым с жаровен растворяется в ночном небе, люди разбредаются по домам. И так изо дня в день. Для многих так проходит вся жизнь. Что это? Нужно ли это? Может быть, это медлительное течение угасающего дня – лишь образ, в сущности, прожитой жизни? Во всяком случае, им так нужно. А мы у себя, в России, и в 70-летнем возрасте даже глубокой ночью все норювим делать с утренней свежестью, насилую волю природы.

И ведь что удивительно: в сотне километров отсюда – Афганистан, война, гибнут люди, а здесь – тихое царство. Но, говорят, кое-что меняется. Прежде в армию узбека провожали как покойника. Плакали, рвали на себе волосы, даже умирали с горя, а теперь – это торжественное событие, собирается вся махала, это толпа, ряды машин, это плов и праздник...

Познакомился с преподавателем вуза, майором запаса по имени Иркин, татариню по национальности. Узнал много необычного. Прежде всего, об участии татар в революционных преобразованиях в Средней Азии в 20-е годы. Отец Иркина, выпускник Высшей Духовной Муссаватистской семинарии, еще студентом познакомился с Тукаем, татарским Пушкиным. Отказались от религиозных догм и приобщились к делу революции. В 1918 г. группа татар жила в Кремле, они встречались с Ворошиловым, Сталиным, мимолетно даже с Лениным. Группа сколачивалась для отправки в Ходжент. Нужно было создать сельскохозяйственный агрономический центр для внедрения современных технологий. Русских население не приняло бы, нужны были мусульмане. Советская власть выделила для приехавших ханский дворец. Пригодилась религиозная грамотность отца. Дело пошло, молодые узбеки пошли учиться. Там, во дворце, и родился Иркин – «наследник Ходжентского хана»...

Он участвовал в Великой Отечественной войне, был ранен, позже еще долго служил. Женился на русской, та родила ему трех сыновей, но в Узбекистане жить не смогла. Теперь женат на узбечке, но любви и счастья нет. При доме у него большой участок. Все сделано своими руками, даже обсерватория. Сад, куры, индюшки. Помещик. Его твердое мнение: «Нужно, чтобы человек все мог сделать для себя сам в любых условиях. Нужно уметь окапываться».

Некоторые из его мыслей показались мне интересными. «Главное в жизни – окопаться. Кто этого не делает – легко живет, но и легко теряет... Труд, труд, еще раз труд – делает жизнь глубокой, обстоятельной, заслуженной, независимой. Это и означает, если по-фронтовому, окопаться в жизни». «Здесь у нас нужно резко увеличить представительство русских в руководстве местной и республиканской власти. Рано дали волю этим ханам. Вторые секретари (как правило, русские) – чаще всего пустое место, наблюдатели, лишённые права определяющих решений. Чтобы русское, в том числе язык, воспринималось естественно, нужно сделать обязательными совместные детские сады, тогда освоение языка стало бы прочным и всеобщим. Русский нужно изучать не потому, что «им разговаривал Ленин», и не потому, что его создал Пушкин, а потому, что без знания русского в СССР нельзя рассчитывать на эффективное развитие личности, образование, участие в науке и пр. И здесь нет ущемления национальных прав. Это нормальное расширение возможностей конкретного человека. И только тогда можно серьезно начинать говорить о Ленине, Пушкине и т. п. А то ведь они говорят, что у них есть «свой» Пушкин и его им вполне достаточно».

Разумно. Считает, что помпезность Рашидова, как и Брежнева, – несомненный признак слабости Советской власти перерождения ее рабоче-крестьянской сути. Партия переродилась раньше, чем успела довести свое дело до конца. Есть над чем подумать в долгом пути до Саратова.

* * *

13 сентября. Родился наш младший внук и не просто внук, а Мишенька Кириллов! Горластый. Волосики белые, а глаза карие, а может быть, вишневые. Когда-то и сын был таким же. Той, что родила внука, я безмерно благодарен.

* * *

Октябрь. Убыл в Кабул, на стажировку в госпиталь советских войск в ДРА – до Нового года. Работа с ранеными. Наблюдения за жизнью людей, находящихся в экстремальной ситуации войны и отрыва от Родины. Веду дневник здешних впечатлений и размышлений* (**Кабульский дневник военного врача. Саратов, 1996*). Все это существенно расширяет политический и профессиональный кругозор.

Многочисленный, религиозный, голодный народ, никогда ранее не имевший опыта государственности и демократии, и вместе с тем с хорошо развитыми торговыми традициями, своеобразной племенной дисциплинированностью, обязательностью и достоинством. На этом фоне появление государства, первого опыта партийности, образования и здравоохранения народа, создания регулярной армии и милиции, демократических институтов, не имеющих еще достаточного авторитета, не отличающихся единством. Практическое отсутствие крупной промышленности и рабочего класса, то есть реальной основы для пролетарской революции, а, следовательно, и для пролетарской власти. Наше присутствие здесь ускоряет ход внутренних процессов афганского общества. Да, мы защищаем собственные границы, но основа нашего присутствия здесь – бескорыстна.

Мы безвозмездно оказываем республике военную, продовольственную, промышленную и энергетическую помощь, готовим кадры, помогаем здравоохранению, наша помощь прони-

зывает государственный аппарат. Пора, пора этому посеву превратиться в урожай самообеспечения и защиты! Однако перспективы ситуации в предстоящем 1988 году в любом случае могут быть связаны лишь с медленным, постепенным развитием событий. Наиболее приемлемый вариант – укрепление центрального режима на основе разумной коалиционности, нейтрализация большинства племен в провинциях, раскол, ослабление извне финансируемых формирований и – на этой основе – насколько это возможно, скорейший вывод наших войск. Менее приемлемый вариант – вывод с боями наших войск, менее обеспеченное существование центрального режима, гражданская война, утрата части завоеваний. Неприемлемый вариант – вывод наших войск, экспансия контрреволюции, гибель демократии, реакционный режим.

Каждый день здесь стоит нам крови и жизни, но каждый день обеспечивает будущее республики, и только это, в конечном счете, оправдывает принесенные жертвы. Последние события не позволяют рассчитывать на приемлемый вариант перспективы.

Люди здесь (в госпитале, в частях) переживают, думают, открыто говорят о происходящем в нашей стране. И это – печать времени. Важно только, чтобы гласность из средств не стала целью, чтобы море разлившегося в нашей стране в последние годы дерьма не скрыло фарватер, путь очищения нашей жизни. Все, что я вижу здесь, мне обычным не кажется.

Афганистан потряс нашу страну и доверие к руководителям Советской власти так же, как когда-то русско-японская война 1904–1905 гг. потрясла царскую власть.

1988 г

Июнь. Выпуск врачей на военно-медицинском факультете. Выступаю перед строем от имени профессорско-преподавательского состава.

«Дорогие выпускники! Позвольте в этот торжественный день сердечно поздравить вас с вступлением в самостоятельную профессиональную жизнь! Ваш выпуск совпадает с важным этапом перестройки, охватившей все стороны жизни нашего общества – область сознания, область отношений между людьми, область экономики. Страна накануне 19-й партконференции! Страна размышляет, пересматривает свое отношение к прошлому, ищет пути к будущему, трудится. Перестройка активно идет и в армейской среде. Предполагая более высокий уровень социализма, она невозможна без максимального включения человеческого фактора. Существует прямой социальный заказ на личность – профессионально компетентную, интеллигентную, инициативную, близкую к людям, личность большевика. Это имеет прямое отношение к вам, новому поколению военных врачей.

Прошли 2 года вашей учебы. Прошли недаром: очевиден профессиональный, политический и нравственный рост каждого из вас. Ваш выпуск – 22-й в истории факультета. Почти 6 тысяч врачей – саратовских выпускников – уже работают в войсках. И ваш выпуск вольется в их число. Вы внесли свою лепту в развитие традиций, даже в облик самого факультета. Здесь многое сделано вашими руками.

Можно рассчитывать, что качество вашей подготовки окажется достаточным для решения предстоящих вам профессиональных и человеческих задач. Конечно, тому, кто больше работал, кто больше успел, – будет легче. Полученное в годы учебы нужно дополнить, закрепить в конкретной войсковой практике, нужно найти свое лицо... Старайтесь всегда быть ближе к людям, жить их интересами, не жалеть себя для солдата. Помните: работа врача – как ни у какого другого специалиста – работа человеческая, а значит – партийная. Счастливого вам пути!»

* * *

Ноябрь. Сына Сергея, командира госпитального взвода медроты в Минске, в составе группы, 4 декабря по тревоге, в бронежилетах, на ИЛ-76 отправили в Сумгаит, а позже в Баку – в связи с известной напряженностью. Когда случилось землетрясение в Армении, их перебросили в Имешли (районный центр Азербайджана).

Землетрясение в Армении потребовало и моей командировки в Ереване* (**Армянская трагедия. Дневник врача. Саратов, 1996*).

Аэропорт Звартноц забит самолетами, нашими и иностранными. Стены в здании аэровокзала заклеены объявлениями о порядке приема беженцев, фотографиями пропавших без вести. Народу – масса. Беспрестанное движение. Небритые мужчины, нервные женщины на узлах и чемоданах. Оружие дети. Ноев ковчег. Призванные из запаса рязанские мужики в мятых нескладных шинелях и кирзовых сапогах.

Нужно сказать, что здесь многое напоминает Афганистан, войну. Та же массовость трагедии народа, чудовищность и бессмысленность потерь, сходство проблематики травм, психологический стресс. Сходство и в проблеме межнациональной розни. В причудливом сочетании повседневного мародерства и самоотверженной работы людей. Конечно, если это и Афганистан, то свой, «домашний», но от этого только горше.

Буржуазное перерождение, расслоение народа на бедных и даже очень бедных и богатых только окрепло на фоне национальной трагедии – землетрясения. Как контрастирует с

этим интернациональная помощь всего советского народа! **А если с тобой, Россия, случится беда, кто тебе поможет?!**

* * *

Сидя в холодном Ереване, вспоминаю Саратов. Только что – в сентябре – октябре наша кафедра приняла самое активное участие в проведении в Саратове Учредительной конференции Всесоюзного общества пульмонологов. Это был наиболее крупный форум пульмонологов Союза. Зал на 800 мест был полон. Делегаты приехали отовсюду: от Благовещенска до Риги и от Ташкента до Мурманска. Встреча убеждала – наука интернациональна. Организатор конференции – академик А. Г. Чучалин – человек высокой концентрации культуры и ума, что встречается редко.

Погода великолепная: не осень, а август. Улицы полны солнца, на каждом углу горы помидоров, арбузов и дынь. Делегаты оккупировали в перерывах и вечерами нашу прекрасную набережную. Синее небо, синяя Волга. В беседах с А. Г. Чучалиным мы увлеченно говорим о громадных традициях отечественной пульмонологии, идущих еще от С. П. Боткина, описавшего крупозную пневмонию. Говорим о важности того, чтобы наша работа наполняла отечественную пульмонологическую Волгу, не давая ей заилиться.

1989 г

Январь. Возвратился из Еревана. Сумгаит, Баку, Нагорный Карабах – бессилие Горбачева, кризис государственной власти, использование армии против собственного народа. А что ЦК КПСС? Так ведь в нем давно уже нет людей из народа.

* * *

Февраль. Из Азербайджана возвратился и сын Сергей.

15 февраля. Через 10 лет после ввода войск в Афганистан, после бездарной гибели 15 тысяч солдат и офицеров, войска, наконец, вывели в Союз. Очень символичен, хотя и несколько театрален (поскольку ему ничто не угрожало) выход последним генерала Громова... В эти дни об одном из офицеров, 26 лет, рассказывали: пробыл в Афгане 3 срока. Плачет: «Что я буду делать в СССР?! Кого буду убивать?!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.